

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 218–225

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 218–225

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-218-225>, EDN: ZTUDUC

Научная статья

УДК 9[94:342.36](44)|14|+929

Карл VI – rex inutilis? (к вопросу о кризисе королевской власти во Франции начала XV века)

О. И. Нуждин

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620083, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Нуждин Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, o.i.nuzhdin@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2127-4214>, Author ID: 696101

Аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей кризиса королевской власти во Франции начала XV в. Его спровоцировала психическая болезнь короля Карла VI, поскольку во Франции отсутствовала практика передачи власти в случае недееспособности короля его сыновьям. Ситуация осложнялась тем, что наследники еще не достигли возраста совершеннолетия. Это обстоятельство вызвало раскол среди родственников на две группы: сторонников и противников смещения короля с престола. Их противостояние вызвало гражданскую войну, которая привела к передаче престола в руки династии Ланкастеров.

Ключевые слова: Столетняя война, династии Валуа и Ланкастеров, гражданская война, арманьяки и бургиньоны

Для цитирования: Нуждин О. И. Карл VI – rex inutilis? (к вопросу о кризисе королевской власти во Франции начала XV века) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 218–225. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-218-225>, EDN: ZTUDUC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Charles VI – rex inutilis? (on the issue of the crisis of royal power in France at the beginning of the 15th century)

О. И. Nuzhdin

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620083, Russia

Oleg I. Nuzhdin, o.i.nuzhdin@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2127-4214>, Author ID: 696101

Abstract. This article is devoted to the study of the features of the crisis of royal power in France at the beginning of the 15th century. He was provoked by the mental illness of King Charles VI, since in France there was no practice of transferring power in the event of the incapacity of the king to his sons. The situation was complicated by the fact that the heirs had not yet reached the age of majority. This circumstance caused a split among the relatives into two groups: supporters and opponents of the removal of the king from the throne. Their confrontation sparked a civil war, which led to the transfer of the throne into the hands of the Lancaster dynasty.

Keywords: the Hundred Years War, the Valois and Lancaster dynasty, Civil War, Armagnacs and Bourguignons

For citation: Nuzhdin O. I. Charles VI – rex inutilis? (on the issue of the crisis of royal power in France at the beginning of the 15th century). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 218–225 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-218-225>, EDN: ZTUDUC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В первой четверти XV в. Французское королевство оказалось в состоянии глубокого политического кризиса. Во многом он был обусловлен психическим нездоровьем короля Карла VI, что сделало возможным образование при дворе двух политических группировок, оформившихся впоследствии в партии орлеанистов и бургиньонов. По мнению Б. Шнерба, речь шла не столько о борьбе родственников за влияние на короля, сколько о противостоянии разных концепций

развития государственности. Одну из них – консервативную – представляли сторонники герцога Бургундии, вторую – новаторскую, выступавшую за сильную независимую королевскую власть, – орлеанисты [1, р. 11].

Хорошо известно, что первый приступ болезни случился с Карлом VI летом 1392 г., и в дальнейшем периоды просветления сознания чередовались с новыми приступами вплоть до самой его смерти в 1422 г. Как полагал М. Заллер,

за это время король заболел не менее 44 раз [2, S. 101]. По более точным подсчетам Б. Гене, он перенес не менее 53 приступов, с учетом того, что точной картины за 1407 г. и с марта 1416 по май 1419 г. нет [3, p. 295–296]. Фактически в периоды болезни, длившиеся порой по несколько месяцев, Карл VI был недееспособен и его вполне можно назвать «rex inutilis». Такая ситуация заставила королевство, по меткому выражению Б. Гене, «жить, а вернее, выживать без короля, возвеличивая королевскую власть» [3, p. 262].

Таким образом, период истории Франции с 1392-го по 1422 г. стал временем эксперимента по сохранению королевской власти и французской государственности: Карлу VI и его окружению приходилось изобретать способы, как и чем компенсировать «отсутствие» полноценной монаршей власти. Одним из возможных решений могло стать лишение Карла VI престола, чего, впрочем, так и не случилось, и это «не низложение» (non-déposition) французский медиевист Б. Гене назвал «французским исключением» [3, p. 224]. В данной статье постараемся ответить на вопрос: почему события сложились таким образом?

Первой трудноразрешимой проблемой для современников стал сам факт признания своего короля душевнобольным. Мишель Пинтуэн, автор хроники правления Карла VI, указывал, что в эпоху Средневековья существовало представление о том, что психически больные люди одержимы бесами [4, p. 315, 317]. Но ничего подобного никак не могло случиться с королем Франции, прошедшим через церемонию миропомазания. Само предположение, а уже тем более публичное высказывание о безумии монарха квалифицировалось как преступление оскорбления королевского величества (le crime de lèse-majesté). За 90-е гг. XIV в. нам известны три случая (два за 1393 г. и один за 1398 г.) судебных разбирательств, в которых обвиняемым инкриминировали разговоры о сумасшествии Карла VI [5, p. 91–92]. В официальных документах, прежде всего ординасах, старались избегать упоминаний о болезни короля, заменяя их выражением «отсутствие».

По мнению адвоката короля Жана Жувенала де Урсена, оскорбление величества состояло не только в преступлении против личности короля, но и в словах, посягающих на его честь [6, p. 385]. Однако уже через 5 лет, в 1411 г., во время гражданской войны орлеанисты осмелились публично именовать Карла VI безумным и недееспособным королем. Мишель Пинтуэн, повествуя об этом, с горечью констатировал все эти оскорбления, которые они осмеливались произносить против королевского величества [7, p. 452]. В свою очередь, другой хронист – Тома Базен – считал вполне допустимым на страницах своего произведения определять болезнь

Карла VI как «безумие», а его самого как «недееспособного и бессильного» [8, p. 5]. Тем самым представление о Карле VI как недееспособном (inutilis) короле было распространенным, такого короля можно было жалеть, но трудно уважать и подчиняться ему.

Данная проблема требовала принятия мер по сохранению устойчивости власти и стабильности управления. Очевидным способом решения проблемы было бы лишение Карла VI короны. Для средневековой Европы отстранение государя от власти не было чем-то необычным, и прецеденты тому были. Однако болезнь Карла VI имела свою особенность: приступы безумия чередовались с временами просветления сознания, что позволяло надеяться, особенно в первые годы заболевания, на его выздоровление.

Еще одна сложность состояла в том, что на момент заболевания у Карла VI не оказалось совершеннолетнего наследника. Старший из сыновей – Карл – родился в феврале 1392 г. и в силу малолетства не мог немедленно занять престол. И даже в случае смещения короля с престола и передачи власти дофину пришлось бы ждать не менее 10 лет, прежде чем тот вырастет и сможет править самостоятельно. А на это время власть оставалась бы в руках регента или регентов. Возможно, именно эти факторы повлияли на то, что решили сохранить status quo с применением ограниченной меры в виде установления регентства на время его болезни.

Вместе с тем регентство воспринималось как нечто опасное, поскольку вся полнота власти сосредотачивалась в руках одного человека. Отец Карла VI Карл V, чтобы ограничить регентство на период несовершеннолетия наследника, решил понизить возраст, допустимый для принятия власти. Ординанс, опубликованный в августе 1374 г., установил минимальный возраст для вступления на престол – 14 лет. С этого времени новый король получал полное право властвовать самостоятельно [9, p. 29]. Данное решение Карл V подтвердил еще раз в ординансе от октября 1374 г. [9, p. 46, 48, 50–51].

Эти же документы ограничили полномочия регента. Особо оговаривалось, что он правит не по собственной воле, а во имя блага, чести и пользы малолетнего короля, и только он, несмотря на отсутствие формальной коронации, считается истинным и правомочным королем Франции [9, p. 48, 54]. Такие решения означали, что даже если наследник не достиг возраста совершеннолетия и не был коронован, именно он оставался носителем высшего авторитета, и королевская власть формально не прерывалась [10, p. 37].

Длительное регентство считалось нежелательным, так как происходила концентрация власти в руках одного человека, который мог расправляться ею по своему усмотрению. По этим

причинам срок регентства при малолетнем наследнике Карла V постарались сократить. Когда регентом стал дядя Карла VI Людовик Анжуйский, ему передали необходимые авторитет и полную власть для управления. Однако единоличное правление вскоре вызвало настороженность у остальных принцев крови, опасавшихся ущемления своих интересов [11, р. 199]. Поэтому, как только Карлу VI исполнилось 12 лет, что даже по условиям ордонансов 1374 г. не считалось возрастом совершеннолетия, его поспешно короновали. И хотя сама по себе процедура не сделала его полновластным монархом, она формально ограничила полномочия герцога Людовика Анжуйского.

«Детство и юность вашего королевского величества, без которого мы ничего не можем сделать, были для нас новым препятствием» [12, р. 139]. Его удалось преодолеть в 1388 г., когда Карл VI принял на себя всю полноту власти, однако уже через 2 года внезапное заболевание заставило вновь перестраивать систему управления. Одним из приемлемых решений могло стать создание полномочного органа, замещающего функции короля, нечто вроде регентского совета. Для сохранения преемственности власти в него можно было включить так называемых «мармузетов», советников Карла V, людей невысокого происхождения, на которых опирался Карл VI в период с 1388 по 1392 г. В этом случае в качестве главы Королевского совета выступал бы младший брат короля Людовик [13, р. 402].

Был выбран более консервативный вариант. Пока король оставался слишком слабым и не мог лично заниматься государственными делами, с его согласия и по его распоряжению право управления королевством передали двум его дядям – Жану Беррийскому и Филиппу Бургундскому [12, р. 27]. Фактически речь шла о восстановлении регентства, т. е. в сущности уже знакомой и апробированной системы. Поэтому такое решение не встретило никакого сопротивления, будучи логичным и оправданным обстоятельствами, хотя в дальнейшем оно и обернулось противостоянием Бургундского и Орлеанского домов.

В результате группировку мармузетов отстранили от власти, вернув ее в руки близких родственников короля. Они пользовались значительными привилегиями по сравнению с иными представителями знати, но родство налагало на них свои обязанности. Им надлежало быть «добрыми и верными родственниками», поддерживать «мир, любовь и союз» внутри семейства. Помимо этого, они должны были желать добра, чести и процветания персоне короля», его старшему сыну и «всему их роду», а также заботиться о «благе, положении и чести наилучшего и наихристианнейшего королевского дома Франции» [14, р. 33–34]. Иными словами, родня

представляла собой реальную политическую силу, на которую мог опереться Карл VI. Однако если происхождение, обладание властью и богатством объединяли эту группу, то политические и финансовые интересы делили ее на иерархические группировки.

В январе 1393 г. Карл VI издал ордонанс об установлении опекуна над дофином и остальными своими детьми на случай своей смерти. Его передали супруге короля Изабелле Баварской, которой должны были помогать герцоги Жан Беррийский, Филипп Бургундский, названные в документе «первыми и главными опекунами», а также Людовик II Бурбонский и брат королевы герцог Баварии Людвиг Бородатый. Ведущую роль здесь играли первые двое, а младший брат Карла VI Людовик Орлеанский никаких полномочий в воспитании дофина не получил [15, р. 530–531].

Чуть позже был опубликован новый ордонанс, по которому на случай своей смерти Карл VI вручал Людовику Орлеанскому «управление, охрану и защиту нашего королевства, пока наш старший сын не достигнет возраста четырнадцати лет» [15, р. 535]. Для исполнения возложенных на него обязанностей брату короля передавались широкие полномочия по назначению чиновников, отправлению правосудия, раздаче бенефициев, получению ординарных и экстраординарных доходов [15, р. 535–536].

Таким образом, было принято решение оставить Карла VI на престоле, отложив окончательное решение о смене власти до момента совершеннолетия старшего из его сыновей. Если учесть, что дофину Карлу еще не исполнилось и года, то регентство должно было затянуться минимум на 11 лет. Вопрос о передаче королевской власти иному родственнику никем не поднимался, хотя брату короля Людовику Орлеанскому уже исполнилось 20 лет. Он «по действующим в то время французским правилам наследования престола никак не мог стать королем, а только лишь регентом до совершеннолетия дофина» [16, с. 33]. Видимо, наличие у Карла VI сына сделало передачу власти от короля к его брату неприемлемым.

Тем не менее ордонансы января 1392 г. породили путаницу в управлении королевством. Фактически два дяди Карла VI – Жан Беррийский и Филипп Бургундский – управляли, когда король находился в состоянии болезни, а по выздоровлению тот вновь брал бразды правления в свои руки, но при этом большое влияние на него оказывал Людовик Орлеанский. Данная система сохранялась до 1403 г., обеспечивая относительную стабильность и устойчивость власти.

К началу XV в. стало ясно, что болезнь Карла VI неизлечима, а только усугубляется. Приступы становились все более тяжелыми, и по-прежнему нельзя было исключить внезапную

смерть короля. Вопрос о преемственности власти вновь стал актуальным, поскольку период регентства затягивался. Дофин Карл скончался в 1401 г., не достигнув совершеннолетия, тогда как принц Людовик, родившийся в 1397 г., к началу XV в. оставался совсем ребенком, и никто не мог гарантировать, что он проживет достаточно долго, чтобы стать королем. Следовательно, вопрос о регентстве вновь стал первоочередным. На эту роль претендовали герцоги Филипп Бургундский и Людовик Орлеанский.

Можно предположить, что к этому времени при дворе оформились две группировки родственников. Одна из них, возглавляемая братом короля, выступала за передачу власти дофину, вторая с герцогом Бургундским во главе – за сохранение status quo. Стороны старались усилить свои позиции путем заключения браков.

В 1401 г. Людовик Орлеанский предложил проект брака своей дочери Марии и дофина Людовика. Как полагал Н. Валуа, герцог Бургундии усмотрел в этом попытку отстранения короля и намерение передать власть дофину [17, р. 241]. В таком случае брат короля на правах тестя мог стать единоличным регентом. Чтобы не допустить этого, Филипп Храбрый добился заключения брачного союза своей внучки Маргариты с дофином Людовиком. Только в мае 1403 г. Людовик Орлеанский получил согласие на брак своего сына Карла и дочери Карла VI Изабеллы, вдовы короля Англии Ричарда II. Отныне противостояние двух герцогов, по мнению Й. Шооса, сводилось к формуле «быть или не быть» [18, s. 157].

В начале XV в., как отмечал Б. Гене, обозначилась еще одна сторона кризиса королевской власти. Дело в том, что образ тяжелобольного монарха уже мало соответствовал выражению «королевское величество». Чтобы не допустить падения авторитета власти в целом, пришлось отделить сущность «королевского величества», идеального правителя, от конкретного человека, обладавшего определенными слабостями и недостатками, сделать термин универсальным. Такое решение имело свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, оно позволяло установить управление государством в то время, когда король был болен или «отсутствовал», посредством близких к нему людей. Но, с другой стороны, эти самые люди теперь управляли, прикрываясь его именем и его властью, но защищая свои собственные, а не общегосударственные интересы [3, р. 260].

Очередное изменение системы регентства произошло в 1403 г., когда буквально на следующий день после очередного выздоровления, 26 апреля, король Карл VI издал новый ордонанс. Теперь не только опекунство над дофином и другими детьми, но главные полномочия по управлению королевством в период болезни короля передавались Изабелле Баварской,

которая становилась президентом Королевского совета. В этом ей помогали четыре герцога – Жан Беррийский, Филипп Бургундский, Людовик Орлеанский и Людовик Бурбонский, а также коннетабль Шарль д'Альбре и канцлер Франции Арно де Корбье. В случае смерти короля его старшего сына сразу, не дожидаясь совершеннолетия, должны были короновать, чтобы никто «под предлогом близкого родства» [19, р. 578] не смог захватить власть. В соответствии с положениями ордонанса отныне никто из родственников не мог претендовать на особое место в управлении королевством, за исключением королевы, которой предоставлялось право на опекунство над детьми и в первую очередь над дофином. К сожалению, Изабелла Баварская, иностранка, не пользовалась во Франции достаточным авторитетом. Ее полномочия ограничивались принцами крови и людьми Совета, и они все вместе управляли от имени короля [19, р. 578].

Ордонанс от 26 апреля 1403 г. сыграл важную роль: отныне идея непрерывности власти короля во Франции получила свое законодательное закрепление [11, р. 201–202]. Его появление нередко оценивается как поражение Людовика Орлеанского в соперничестве с Филиппом Бургундским [2, s. 150, 155; 20, р. 280–281], и в данном случае интересы одной группы родственников оказались ущемленными по сравнению с другой. Долгое время именно коллегиальное регентство обеспечивало равновесие интересов принцев, что следует признать правильным решением. Однако пожалование особых полномочий королеве неизбежно спровоцировало борьбу за влияние на нее и на королевских детей, которых она опекала.

Положение, существовавшее с 1392 г., вышло из равновесия со смертью влиятельного герцога Филиппа Бургундского 26 апреля 1404 г. Ни Людовик II Бурбонский, ни Жан Беррийский не обладали подобным ему авторитетом, и амбициозный Людовик Орлеанский, которому исполнилось 32 года, возобновил борьбу за власть [21, р. 71]. Впрочем, новый герцог Бургундии Жан Бесстрашный оказался человеком не менее решительным, но в сравнении с ним герцог Орлеанский имел преимущество, приходясь королю более близким родственником.

Поскольку ордонанс от 26 апреля 1403 г. передал опекунство над детьми королеве, Людовик Орлеанский стал сближаться с ней, и к 1405 г. оформился их союз. «Королева и герцог Орлеанский, которые в силу прав, которыми они обладали как ближайшие родственники короля, все время присваивали себе высшую власть всякий раз, когда король терял рассудок, многие вещи решали по собственной воле, не советуясь ни с дядями, ни с двоюродными братьями короля, ни с другими членами совета» [6, р. 289].

Это замечание хрониста Мишеля Пинтуэна позволяет предположить, что Людовик Ор-

леанский и Изабелла Баварская намеревались сосредоточить власть в своих руках, став фактическими регентами до совершеннолетия прямых наследников Карла VI. Возможно, даже такой вариант устроил бы многих, если бы управление совершалось с помощью «совета», с учетом мнения и интересов остальных принцев крови, на что и намекал Мишель Пинтуэн. Но королева и Людовик Орлеанский, который не был искусным политиком, по мнению Б. Гене [3, р. 226], этим не воспользовались, чем вызвали неудовольствие со стороны других родственников, а особенно сына и наследника герцога Бургундии Филиппа Храброго – Жана Бесстрашного.

Готовясь к роли регента, Людовик Орлеанский полностью изменил свой образ жизни, озаботившись своим положительным имиджем. Если прежде он отличался довольно фривольным поведением [22, р. 230], то после 1402 г. о его амурных похождениях достоверно уже ничего неизвестно. Его последней «*amour de grace*», по выражению М. Каффин де Мерувиля, стала Мариетта д'Энгиен [23, р. 21]. Хронист Мишель Пинтуэн также обратил внимание на изменение поведения брата короля: если в молодости Людовика Орлеанского обуревали пороки, присущие большинству людей, то, достигнув зрелого возраста, он остепенился [6, р. 739].

Политические противники Людовика Орлеанского увидели связь между заботой об имидже и стремлением к власти. Жан Пти в своем «Оправдании», произнесенном 8 марта 1408 г., объяснил это намерением брата короля захватить в свои руки всю власть в королевстве, присвоив «самую высокую и самую благородную сеньорию короны Франции» [22, р. 223]. Также он приписал ему попытку отравить дофина Карла [22, р. 239], вывоза королевы и всех детей в Люксембург [22, р. 237–239] и даже насильственного устранения самого Карла VI [22, р. 223, 230–232; 6, р. 757, 759, 761, 765]. Стремление захватить власть рассматривалась как преступление *lèse-majesté* [6, р. 763; 22, р. 223, 230–231, 233, 238; 24, с. 179].

Вопрос о том, собирался ли Людовик Орлеанский отстранить Карла VI, остается открытым. У нас нет фактов, которые бы однозначно свидетельствовали о таком намерении. Б. Гене допускал, что подобная мысль вполне могла прийти брату короля в голову, но в целом считал такую ситуацию маловероятной [3, р. 230]. Впрочем, некоторые из поступков Людовика Орлеанского в 1406–1407 гг. позволяют сделать такое допущение. Действительно, в теории Карл VI мог отречься сам или его могли лишиться власти насильно. Но ни тому, ни другому в истории Франции еще не было прецедентов, в силу чего законность такого акта изначально могла быть поставлена под сомнение.

Однако во Франции имелся достаточно широкий слой людей, желавших сменить больного

короля на престоле. Они рассматривали различные варианты, в том числе исторические прецеденты, стараясь отыскать в них правовую основу для подобного акта. Можно только предполагать, что намерение совершить переворот возникло в 1405–1407 гг., так как прямых свидетельств тому нет. В подтверждение этого предположения Б. Гене привел случай с Гийомом Филластром, доктором канонического и гражданского права, пользовавшегося благосклонностью одновременно и папы Бенедикта XIII, и Людовика Орлеанского. В своем выступлении перед принцами и прелатами 7 декабря 1406 г. он сказал, что короли не могут лишиться папу власти, но наоборот, папа может отобрать престол у короля. В качестве исторического примера он привел историю с майордомом Пипином Коротким, который при поддержке папы Стефана III в 751 г. сверг с престола последнего представителя династии Меровингов короля Хильдерика III. Выступление Гийома Филластра вызвало скандал. Президенты Совета Жан Беррийский и Людовик Анжуйский – выступили с протестом и, приведя свидетельства их хроник, убедили присутствующих, что данный акт свершился не по приказу, а лишь по совету папы. Нынешний же король Карл VI обязан своей короной ни папе, ни своим баронам, так как она передается по наследству. Тем самым возможность вмешательства папы в вопрос о передаче власти во Франции была отвергнута, и Гийому Филластру пришлось признать свою неправоту [6, р. 469; 3, р. 230–231; 17, р. 460–461].

Заявление Гийома Филластра не было случайным, а, возможно, представляло собой часть плана Людовика Орлеанского по смене власти во Франции. Известно, что в период 1401–1406 гг. контакты между Людовиком Орлеанским и Авиньонским папой Бенедиктом XIII были весьма тесными. Более того, с 8 декабря 1403 г. по 16 января 1404 г. папа и герцог провели несколько встреч в Тарасконе, во время которых состоялось подписание договора о вечном союзе. Так, Бенедикт XIII обещал защищать права герцога и герцогини и права их детей, а Людовик Орлеанский – хранить верность Авиньонскому папе, защищать его против всех, за исключением короля, королевы и их детей [17, р. 359–360; 22, р. 239–240].

В этом договоре нет ничего, что могло бы угрожать власти Карла VI, но, судя по всему, состоялось еще одно соглашение, информация о котором, пусть в искаженном виде, но достигла противников Людовика Орлеанского и легла в основу обвинений против него. Так, Бенедикт XIII должен был низложить короля, освободив подданных от клятвы верности, по причине его болезни (*folie*) и ненормальных пороков (*device sénormes*), которые распространились и на его детей, чем лишили их права на корону. Теперь право на корону, по просьбам

Людовика Орлеанского, должно было перейти к нему и закрепиться за его потомством. Но папа отказывался совершать такое деяние единолично и без одобрения кардиналов [6, р. 763; 22, р. 239–240].

По тексту «Оправдания» Жана Пти, которое по своей сути является обвинением Людовика Орлеанскому, сложно сделать однозначный вывод относительно намерений брата короля, но связь между болезнью Карла VI и необходимостью смены власти была для многих очевидной и являлась предметом для обсуждения. И если Людовик Орлеанский действительно готовил отстранение своего брата, то его убийство 23 ноября 1407 г. получает свое объяснение. Кроме того, оно открыло дорогу Жану Бесстрашному, давно продемонстрировавшему свое намерение «силой стать во главе управления» [25, р. 222].

Смерть Людовика Орлеанского не решила главную политическую проблему – что делать с больным королем и каким должно быть регентство [5, р. 97.]. Если нельзя было лишить короля короны с помощью папы, то сохранялась вероятность уговорить его отречься добровольно. К благоразумию Карла VI обращался священнослужитель Пьер Ле Фрутье по прозвищу Салмон. Находясь в Авиньоне, он 1 ноября 1408 г. направил королю Франции письмо, на страницах которого попытался убедить его добровольно оставить престол. В качестве отрицательного примера Пьер Салмон привел историю короля Англии Ричарда II, который утратил корону своего королевства и был позорно умерщвлен. Вторым примером послужила судьба брата Карла VI Людовика Орлеанского: он «окончил свои дни так же жалко, о чем вам известно» [26, р. 97–98]. Чтобы не уподобиться этим людям и сохранить себе жизнь, королю следует как можно скорее внести изменения в управление, в противном случае ему грозила утрата «короны своего царства, и имени, славы и власти короля» [26, р. 99]. Можно предположить, что Пьер Салмон допускал низложение короля в случае, если будет невозможно решить проблему иным образом.

В качестве такового противники Жана Бесстрашного выдвинули сына Людовика Орлеанского – Карла. Уже в сентябре 1411 г. в Париже и во Франции в целом стали циркулировать слухи о его намерении стать королем. Об этом говорится в письме Карла VI фламандскому ополчению, воевавшему на стороне Жана Бесстрашного [27, р. 94, note 3], в посланиях, разосланных «добрым городам Франции» [28, р. 461–462] и Университету. В них король утверждал, что орлеанисты намеревались свергнуть его, лишить его положения и авторитета, уничтожить его достоинство и посадить на престол нового короля Франции [28, р. 465].

В начале октября 1411 г. орлеанисты захватили Сен-Дени, монахи которого, по слухам,

вручили герцогу Карлу Орлеанскому скипетр, корону и королевские инсигнии. Он вззошел на трон, и была проведена церемония с использованием королевского штандарта, который именуется орифламмой [7, р. 515]. Достоверно неизвестно, что именно произошло в аббатстве, но Мишель Пинтуэн всячески отрицал причастность монахов монастыря к попыткам переворота.

К сожалению, не представляется возможным определить, что здесь является действительными намерениями, а что – пропагандой, но подозрения в намерении свергнуть Карла VI и уничтожить его наследников [29, р. 239, 243] в союзе с королем Англии Генрихом IV послужили поводом к походу на Бурж весной – летом 1412 г. Во время мирных переговоров в Осере в июле – августе 1412 г. орлеанистам пришлось отречься от приписываемых им планов, назвав их клеветой [7, р. 685]. По условиям договора они признали Карла VI своим единственным сеньором и сюзереном, обещали подчиняться ему и дофину в качестве верных родственников, вассалов и подданных, связанных клятвой верности [7, р. 717]. Если орлеанисты и претендовали на смену власти, то условия договора в Осере похоронили их планы. Окончательно угроза со стороны Орлеанского дома была устранена после поражения Франции в битве при Азенкуре, когда Карл Орлеанский попал в плен к англичанам.

Еще одним источником недовольства правлением Карла VI оставался Университет. В июле 1411 г. во время сбора средств для похода против орлеанистов канцлер собора Нотр-Дам выступил против, намекнув на то, что это может стать поводом для свержения короля. На это канцлер Франции возразил: «Король не может быть свергнут своими подданными» [7, р. 417]. Тогда, не найдя поддержки, представители Университета ответствовали, что они всего лишь хотели привести примеры [7, р. 419]. Видимо, в университетской среде идея возможности смещения короля с престола получила широкое распространение. Нельзя согласиться с мнением М. Е. Дюбарля, согласно которому такие высказывания свидетельствовали о падении авторитета королевской власти в целом [30, р. 219], скорее речь шла о недоверии конкретно Карлу VI.

Казус Людовика Орлеанского и его последователей, а также заявления Университета продемонстрировали, что существует реальная угроза власти Карла VI. Для него теперь было важно не только сохранить ее за собой, но и обеспечить передачу по наследству. Уже 26 декабря 1407 г. он издал еще один ордонанс, по которому в случае смерти короля тот из сыновей, кто будет признан наследником, немедленно получит «auctoritas regia». При этом признавалось несущественным, будет тот коронован к этому моменту или нет. Теперь не имел значения возраст преемника, и он получал власть немедленно, «как только его отец окончит свой жизненный

путь, подразумевается, что названный первородный сын, несмотря на возраст, как бы молод он ни был, становится и должен быть провозглашен королем, и должно королевство управляться им и от его имени» всеми родственниками его крови и мудрыми людьми его Совета» [31, р. 267–268; 11, р. 202].

Ордонансы 1403 и 1407 гг. сформировали новое фундаментальное правило наследования французского престола: «Принцип мгновенной преемственности был окончательно включен в нормативный блок, предназначенный для регулирования основных правил передачи короны» [10, р. 37; 32, р. 134], что привело к увеличению властных полномочий дофина. Эти новации были закреплены решениями королевского совета 5 сентября 1408 г. Теперь в случае болезни короля вся суверенная власть по управлению королевством передавалась от короля королеве и дофину [7, р. 91; 33, р. 239–240]. Это означало отказ от регентства, тем более что дофин Людовик почти достиг возраста 12 лет.

Однако эти меры не решили главную задачу, поскольку престол Франции по-прежнему занимал больной король, сохранивший за собой право принимать любые решения. Его личный авторитет упал настолько, что во время заговора 1416 г. горожане Парижа, в том числе чиновники, готовили не просто смещение короля с престола, а убийство и его, и королевы, и ближайших родственников.

В такой ситуации одним из вероятных претендентов на престол мог стать Жан Бесстрашный. Х. Кимм категорически отвергала такое предположение. По ее мнению, Жан Бургундский никогда не имел намерения стать Жаном Французским [16, s. 231]. Напротив, Л. Миро вполне допускал, что новым королем после смерти дофинов Людовика и Жана в 1415 г. и 1417 г. вполне мог стать Жан Бесстрашный [34, р. 176]. Такого же мнения придерживался Ж. Маркаль. Он считал, что в данный период достижение этой цели составляло суть всей политики герцога Бургундии, который стремился занять престол, и его единственным противником с 1417 г. оставался дофин Карл, поскольку герцог Карл Орлеанский оставался в Англии пленником. В отличие от своего сына Жан Бесстрашный никогда не хотел отдать Францию Англии, а, напротив, использовал Генриха V для приобретения короны Франции [35, р. 205]. Смерть Жана Бесстрашного на мосту в Монтеро в сентябре 1419 г. не позволила реализовать и этот проект.

Утверждение, что переход власти в руки Жана Бесстрашного невозможен на практике, не является бесспорным. Дальнейшие события продемонстрировали, что вполне реально лишить короны даже прямого наследника, чтобы потом передать ее представителю другой династии. Именно так поступили Карл VI и Изабелла Баварская, когда по условиям договора в Труа

1420 г. отстранили своего сына дофина Карла от наследования престола, передав его права королю Англии Генриху V [36, р. 103–104]. Однако Карл VI сумел сохранить за собой титул короля Франции пожизненно. И с этим решением согласились Парламент и Университет [37, р. 365–369].

Почему же не произошло отстранение Карла VI от власти? Тому есть несколько объяснений. Первое сформулировано Б. Гене: если еще можно было лишить власти непосвященного принца, то коронация делала короля неприкосновенным избранником Бога [3, р. 234]. Но он же сказал, что «болезнь Карла VI завела королевство в полный тупик», «болезнь Карла VI представляла собой неразрешимую проблему» [3, р. 232]. Это обстоятельство превратило Карла VI в «*rex inutilis*», недееспособного короля, что было очевидно для всех.

Однако имели место сопутствующие факторы, которые не позволили лишить Карла VI власти. Болезнь не была постоянной, и приступы безумия перемежались периодами просветления рассудка, что, особенно в первое время, оставляло надежду на выздоровление короля. Кроме того, наследник еще не достиг совершеннолетия и его не могли немедленно возвести на престол. И хотя в начале XV в. оформилась идея о возможности смещения короля, но был неясен правовой механизм, мысль о вмешательстве папы отвергалась, а вариант свержения решением вассалов и подданных не выглядел безупречным. Орлеанисты считали возможным отстранить Карла VI, видимо, через решение Королевского совета, чтобы потом передать власть дофину, но убийство Людовика Орлеанского и пленение Карла Орлеанского поставили крест на этом проекте. Гражданская война, сделав невозможной передачу власти внутри рода Валуа, создала условия для ее перехода к королю Англии Генриху V Ланкастеру и его потомкам. Так, родственники, которые могли составить прочную опору сильному королю, оказались не в состоянии договориться между собой при короле слабом, что чуть не привело к утрате Францией своей независимости.

Список литературы

1. Schnerb B. Les Armagnacs et les bourguignons. Paris : Librairie Académique Perrin, 1988. 309 p.
2. Saller M. Königin Isabeau. Die Wittelsbacherin auf dem Lilienthron. München : Nymphenburger Verlagshandlung GmbH, 1979. 357 S.
3. Guenée B. La folie de Charles VI. Paris : CNRS Éditions, 2019. 317 p.
4. Chronique du religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422: in 6 vols / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapeteau, 1839. Vol. I. 750 p.

5. Pfaü A. N. *Madness in the Realm: Narratives of Mental Illness in Late Medieval France*. Ann Arbor : University of Michigan, 2008. 311 p.
6. *Chronique du religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422*: in 6 vols / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1841. Vol. 3. 775 p.
7. *Chronique du religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422*: in 6 vols / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1842. Vol. 4. 781 p.
8. *Basin Th. Histoire des règnes de Charles VII et de Louis XI*: in 4 vols. / par J. Quicherat. Paris : Jules Renouard, 1855. Vol. I. 336 p.
9. *Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique*: in 23 vols. / par M. Secousse. Paris : l'Imprimerie Royale, 1741. Vol. 6. 707 p.
10. *Rigaudière A. Pouvoirs et institutions dans la France médiévale*: in 2 vols. Vol. 2: *Des temps féodaux aux temps de l'État*. Paris : Armand Colin, 1998. 335 p.
11. *Krynyn J. «Le mort saisit le vif». Genèse médiévale du principe d' instantanéité de la succession royale française // Journal des savants*. 1984. № 3–4. P. 187–221.
12. *Chronique du religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422*: in 6 vols. / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1840. Vol. 2. 791 p.
13. *Favier J. La guerre de cent ans*. Paris : Fayard, 1980. 678 p.
14. *Guenée B. Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407*. Paris : Gallimard, 1992. 350 p.
15. *Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique*: in 23 vols. / par M. Secousse. Paris : De l'imprimerie royale, 1745. Vol. 7. 796 p.
16. *Kimm H. Isabeau de Bavière, reine de France. 1370–1435. Beitrag zur Geschichte einer bayerischen Herzogstochter und des französischen Königshauses*. München : Stadtarchiv, 1969. 293 S.
17. *Valois N. La France et le Grand Schisme d' Occident.*: in 3 vols. Paris : Alphonse Picard, 1901. T. 3. 632 p.
18. *Schoos J. Der Machtkampf zwischen Burgund und Orléans unter den Herzögen Philipp dem Kühnen, Johann ohne Furcht von Burgund und Ludwig von Orléans*. Luxemburg : Beffort, 1956. 217 S.
19. *Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique*: in 23 vols. / par M. Secousse. Paris : l'Imprimerie Royale, 1750. Vol. 8. 644 p.
20. *Jarry E. La vie politique de Louis de France, duc d'Orléans. 1472–1407*. Paris : Alphonse Picard ; Orléans : H. Herluison, 1889. 486 p.
21. *Avout J. d'. Querelle des Armagnacs et des Bourguignons*. Paris : Gallimard, 1943. 431 p.
22. *Monstrelet E. de. Chronique en deux livres. 1400–1444*: in 6 vols. / par L. Douët-d'Arcq. Paris : Jules Renouard, 1857. Vol. I. 416 p.
23. *Caffin de Merouville M. Le beau Dunois et son temps. Chroniques de Charles V – Charles VII – Louis XI*. Paris : Nouvelles Éditions Latines, 2003. 483 p.
24. *Польская С. А. Рецепция римского права в формировании прерогатив королевского помилования во Франции (XIII–XV вв.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 176–181. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-2-176-181>
25. *Histoire générale et particulière de Bourgogne*: in 3 vols. / par Dom Plancher. Dijon : Chez Antoine de Fay, 1748. Vol. 3. 596 p.
26. *Salmon P. Les demandes faites par le roi Charles VI, touchant son état et le gouvernement de sa personne*. Paris : L'imprimerie de Crapelet, 1883. 176 p.
27. *Champion P. La vie de Charles d'Orléans (1394–1465)*. Paris : Honoré Champion, 1969. 713 p.
28. *Histoire de Charles VI, roy de France par Jean Juvenal des Ursins // Choix de chroniques et mémoires relatifs à l'histoire de France / par J.-A.-C. Buchon*. Orléans : H. Herluison, 1875. P. 323–573.
29. *Monstrelet E. de. Chronique en deux livres. 1400–1444*: in 6 vols. / par L. Douët-d'Arcq. Paris : Jules Renouard, 1858. Vol. 2. 478 p.
30. *Dubarle M. E. Histoire de l'Université, depuis son origine jusqu'à nos jours*. Paris : J. L. J. Brière, libraire-éditeur, 1829. 368 p.
31. *Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique*: in 23 vols. / par M. de Vilevault. Paris : l'Imprimerie Royale, 1755. Vol. 9. 714 p.
32. *Bonnefin A. Le monarchie française. 987–1789. Constitution lois fondamentales*. Paris : Franc-Empire, 1987. 398 p.
33. *Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris. 1400–1407*: in 2 vols. / par A. Tuetey. Paris : Libraire Renouard, 1885. Vol. I. 350 p.
34. *Mirot L. Les d'Orgemont. Une grande famille parlementaire aux XIV-e et XV-e siècles*. Paris : Honoré Champion, 1913. 320 p.
35. *Markale J. Isabeau de Bavière*. Paris : Payot, 1982. 274 p.
36. *Cosneau E. Le grands traités de la guerre de cent ans*. Paris : Alphonse Picard, 1889. 187 p.
37. *Journal de Clément de Fauquembergue, greffier du Parlement de Paris. 1417–1435*: in 2 vols. / par A. Tuetey. Paris : Libraire Renouard, 1903. Vol. I. 391 p.

Поступила в редакцию 27.11.2022; одобрена после рецензирования 04.12.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 27.11.2022; approved after reviewing 04.12.2022; accepted for publication 20.01.2023